

УДК: 343.2/.7

Горовая Полина Рустемовна, студентка 3 курса факультета подготовки специалистов для судебной системы Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева», г. Симферополь, Россия

E-mail: gorovaapolina967@gmail.com

Чнаваян Нина Артуровна, студентка 3 курса факультета подготовки специалистов для судебной системы Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева», г. Симферополь, Россия

E-mail: Chnavayan0417@gmail.com

Научный руководитель: Сергиенко Нина Борисовна, старший преподаватель кафедры уголовного права Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева», г. Симферополь, Россия

E-mail: ninaakula007@mail.ru

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК СРЕДСТВО СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аннотация. В статье исследуется проблема отнесения искусственного интеллекта (ИИ) к средствам совершения преступления в уголовном праве. Анализируются доктринальные подходы Н.С. Таганцева (широкое понимание средств, включая одушевлённые предметы, силы природы и другое лицо) и А.Б. Чугунок (материалистический подход, исключая нематериальные средства). На основе обобщения этих подходов обосновывается вывод о том, что ИИ может рассматриваться как средство совершения преступления – либо в рамках широкой категории, либо по аналогии с дрессированными животными.

Рассматриваются дипфейки как наиболее распространённый вид использования ИИ в преступных целях.

Ключевые слова. Искусственный интеллект, средства совершения преступления, дипфейк, мошенничество, судебная практика, уголовное право, экспертиза, доказывание, обман, цифровые технологии.

Gorovaya Polina Rustemovna, 3rd year student of the Faculty of Training Specialists for the Judicial System of the Crimean Branch of the Lebedev Russian State University of Justice, Simferopol, Russia

E-mail: gorovaapolina967@gmail.com

Chnavayan Nina Arturovna, 3rd year student of the Faculty of Training Specialists for the Judicial System of the Crimean Branch of the Lebedev Russian State University of Justice, Simferopol, Russia

E-mail: Chnavayan0417@gmail.com

Scientific supervisor: Sergienko Nina Borisovna, Senior Lecturer at the Department of Criminal Law of the Crimean Branch of the Lebedev Russian State University of Justice, Simferopol, Russia

E-mail: ninaakula007@mail.ru

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A MEANS OF COMMITTING A CRIME

Annotation. The article examines the problem of classifying artificial intelligence (AI) as a means of committing a crime in criminal law. The doctrinal approaches of N.S. Tagantsev (broad understanding of means, including animate objects, natural forces, and another person) and A.B. Chugunok (materialistic approach excluding non-material means) are analyzed. Based on the generalization of these approaches, the conclusion is substantiated that AI can be considered as a means of committing a crime – either within the framework of a broad category or by analogy with trained animals. Deepfakes are considered as the most common type of AI use for criminal purposes.

Keywords. Artificial intelligence, means of committing a crime, deepfake, fraud, judicial practice, criminal law, forensic examination, evidence, deception, digital technologies.

Развитие искусственного интеллекта (далее – ИИ) в современных реалиях создает новые возможности для экономического и социального прогресса, в этом безусловно есть множество плюсов для общества. Однако, посмотрев на ситуацию с другой стороны, развитие ИИ сформировало новую среду для совершения преступлений.

Прежде чем переходить к анализу, необходимо определиться с ключевым понятием – что именно уголовное право вкладывает в термин «средство совершения преступления». Следует сразу отметить: несмотря на широкое использование этой категории в правоприменительной практике и доктрине, её легального (официального) определения до сих пор не закреплено в законе.

Отсутствие законодательной дефиниции компенсируется научными подходами. Классическая русская уголовно-правовая школа, в частности взгляды Н.С. Таганцева, предлагает весьма широкое понимание данного феномена. По мысли Таганцева [1, с. 112], преступная деятельность опосредуется различными инструментами, которые можно разделить на несколько уровней.

На первом месте - собственное тело человека (руки, ноги, голос, иные физические возможности), выступающее как естественное и непосредственное орудие реализации преступного умысла. Второй уровень охватывает внешние объекты материального мира - то есть любые предметы, находящиеся вне организма субъекта.

Принципиально важным представляется то, что Таганцев не ограничивает круг средств совершения преступления лишь неодушевлёнными вещами. По его мнению, сюда могут быть включены: одушевлённые существа (например, животные, используемые для нападения) и стихийные силы природы (огонь, вода, механическое движение), а в определённых условиях даже другое лицо.

Особо подчёркивается статус последнего: другое лицо может рассматриваться как «живое орудие» преступления, но преимущественно в ситуациях, когда это лицо находится в состоянии невменяемости, то есть не способно осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими.

Иного подхода придерживается А.Б. Чугунок [2, с. 99]. В её понимании, в рамках уголовного права принципиально невозможно говорить о так называемых «нематериальных средствах» совершения преступления. Обоснование этой позиции сводится к следующему: средства совершения преступления традиционно рассматриваются как элемент объективной стороны состава преступления, а значит, должны обладать признаками материальности, вещности и доступности для уголовно-правовой оценки. Иными словами, то, что не имеет физической формы (информация, интеллектуальные воздействия, психическое давление без использования предметов), не может, по мнению Чугунок, признаваться средством в уголовно-правовом смысле.

Однако это не означает, что автор полностью отрицает любые нестандартные средства. Напротив, допускает использование в качестве орудия преступления одушевлённых предметов окружающего материального мира. В качестве примеров приводятся: животное, птица, пресмыкающееся, прошедшие специальную дрессировку (например, служебная собака, натренированная на нападение, или хищная птица, атакующая по команде).

Таким образом, ключевое разграничение в доктрине проходит не между неодушевлённым и одушевлённым (живым), а между материальным и нематериальным. Если живое существо остаётся частью физического мира и может быть использовано как инструмент воздействия, оно признаётся средством. Если же речь идёт о чисто информационном, психологическом или виртуальном воздействии (например, вредоносная программа, словесное убеждение, психотронное оружие), такие явления не должны включаться в понятие средств совершения преступления, поскольку выходят за рамки объективной стороны, закреплённой в традиционном понимании состава.

При широком подходе (когда средством признаются не только неодушевлённые предметы, но и одушевлённые существа, силы природы и даже другое лицо в состоянии невменяемости) ИИ может быть квалифицирован как средство вне зависимости от его конкретной правовой природы, признаваемой в той или иной правовой системе. Будет ли ИИ рассматриваться как «электронное устройство», как «программный агент» или как некое «цифровое существо» – в рамках широкого понимания он в любом случае охватывается понятием средства, поскольку способен выступать инструментом достижения преступного результата.

При узком (материалистическом) подходе, которого придерживается А.Б. Чугунок, ИИ не может быть признан нематериальным средством (например, чистым алгоритмом или информационным кодом), однако он вполне вписывается в категорию предметов материального мира. Более того, здесь уместна аналогия с животными, подвергнутыми специальной дрессировке. Если дрессированная собака или птица, выполняя команды владельца, причиняет вред охраняемым законом интересам, такие животные признаются орудием преступления (материальным средством). По этой же логике и ИИ: он всегда создаётся для достижения определённых целей своего владельца, действует в рамках заложенных алгоритмов и, по сути, выполняет функцию «электронного исполнителя» – аналогично тому, как дрессированное животное выполняет команды человека.

Таким образом, независимо от избранной доктринальной позиции, искусственный интеллект потенциально может рассматриваться в уголовном праве как средство совершения преступления. Вопрос заключается лишь в форме этого признания: либо как элемент широкой категории «любые средства, включая одушевлённые и природные», либо как особый вид материальных предметов, действующих по воле владельца по аналогии с дрессированными животными. Данный вывод приобретает особую актуальность в свете стремительного внедрения ИИ-систем в повседневную жизнь и роста числа преступлений, совершаемых с их использованием.

Обратимся к конкретным способам использования ИИ в преступной деятельности.

Наиболее популярным видом преступления является создание «дипфейков». Законодательно закрепленного понятия «дипфейк» на сегодняшний день ещё не представлено. Но, в своей работе Н. Ф. Бодров и А. К. Лебедева на основе проведенного анализа множества определений данных другими учеными приходят к собственному, авторскому определению, а именно: «Дипфейк – цифровой продукт в виде текста, графики, звука или их сочетания, сгенерированный полностью или частично при помощи нейросетевых технологий, для целей введения в заблуждение или преодоления пользователем систем контроля и управления доступом» [3, с. 28].

На наш взгляд данное определение наиболее полно и точно описывает суть данного термина.

Так, в Ялте зафиксированы случаи дипфейк-мошенничества: две сотрудницы коммерческой организации пострадали от действий злоумышленников, которые захватили аккаунт их руководительницы в мессенджере. Преступники использовали современные технологии, включая поддельные видеозвонки, голосовые сообщения (имитирующие голос начальницы) и фальшивые изображения банковских карт, чтобы выманить деньги. Первая жертва перевела 20 000 рублей после убедительного видеозвонка от «начальницы», не подозревая об обмане. Вторая сотрудница перечислила 7000 рублей после серии текстовых и голосовых сообщений, но заподозрила неладное при повторной просьбе о переводе на другой счет и обратилась в полицию. По обоим фактам возбуждены уголовные дела по статье 159 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [4].

Теоретические положения о возможности отнесения искусственного интеллекта (ИИ) к средствам совершения преступления находят подтверждение в современной судебной практике. Показательным является уголовное дело № 1-216/2025, рассмотренное Бугурусланским районным судом Оренбургской области [5].

В период с августа по сентябрь 2025 года неустановленные лица, действуя в составе организованной группы, осуществили дистанционное хищение денежных средств у пожилой потерпевшей ФИО4 №1 в размере 160 000 рублей. Схема мошенничества включала несколько этапов. Сначала злоумышленники, представившись сотрудниками ПАО «Ростелеком», убедили потерпевшую продиктовать свои анкетные данные и повторить определённые цифры (что в дальнейшем использовалось для создания голосовых слепков). Затем от имени сотрудника военной прокуратуры женщине сообщили, что «злоумышленники, воспользовавшись её анкетными данными и голосовыми сообщениями, с использованием искусственного интеллекта совершили мошеннические действия в отношении других граждан». Потерпевшую убедили снять все сбережения и передать их курьеру, якобы сотруднику налоговой службы, для проверки. Курьером выступил ФИО3, который, получив инструкции через мессенджер, прибыл к потерпевшей, назвал кодовое слово, после чего женщина передала ему деньги. Впоследствии ФИО3 был задержан, часть похищенного изъята.

Суд квалифицировал действия подсудимого по ч. 2 ст. 159 УК РФ (мошенничество группой лиц по предварительному сговору с причинением значительного ущерба). При этом в приговоре прямо указано, что неустановленные лица вводили потерпевшую в заблуждение, утверждая, будто с помощью технологий искусственного интеллекта (обработки голосовых сообщений) были сфабрикованы доказательства её причастности к преступлениям. Суд признал данное обстоятельство частью объективной стороны мошенничества – обманом как способом хищения.

С точки зрения доктрины, данное дело иллюстрирует две важные позиции. Во-первых, ИИ как средство создания ложной информации (нематериальное средство). Злоумышленники использовали сам факт существования технологий искусственного интеллекта (синтез речи, дипфейки) для убеждения потерпевшей в реальности угрозы. По сути, ИИ выступил инструментом конструирования обмана – то есть средством в широком смысле

(по Таганцеву – как «силы природы» или «одушевлённые предметы», если рассматривать ИИ как квази-субъекта). Однако в узком понимании (Чугунок) голосовой алгоритм не является материальным предметом, а значит, не подпадает под классическую объективную сторону. Тем не менее, суд не стал теоретизировать – он зафиксировал, что ссылка на ИИ была частью преступной фабулы. Во-вторых, ИИ как аналог «дрессированного животного» (материальное средство) – косвенно. Курьер ФИОЗ действовал по инструкциям, получаемым через мессенджер; его поведение было полностью детерминировано удалёнными указаниями. Если бы вместо человека использовалась автономная программа (беспилотник, робот-доставщик), такой ИИ-агент мог бы быть признан орудием преступления по аналогии с животным, подвергнутым дрессировке (как допускает Чугунок). В данном же случае человек выступал лишь «ручным исполнителем», а ИИ оставался на уровне легенды для жертвы.

Из этих примеров следует, что применение технологий ИИ, в том числе и генерация дипфейков, может являться способом совершения такого преступления как мошенничество или иного хищения имущества, но при этом в каждом конкретном случае, не только связанных с преступлениями по ст. 159 УК РФ, но и в иных случаях необходимо установить факт использования синтезированного голоса или изображения экспертным путем.

В другом примере из судебной практики подсудимый пытался сослаться на недопустимость доказательства, так как, по его мнению, оно было создано при помощи ИИ, а именно по приговору суда сотрудники полиции признаны виновными в хищении вещественных доказательств (рыболовных сетей и раколовок) на сумму свыше 56 млн рублей с использованием служебного положения. Одним из ключевых доказательств стала аудиозапись оперативно-розыскного мероприятия, на котором подсудимый А, в частности, обсуждал вывоз и реализацию похищенного имущества. Подсудимый заявил, что данная аудиозапись смонтирована с применением ИИ (дипфейка) и имитирует его голос. Суд отклонил этот довод, сославшись на показания свидетелей –

руководителей, опознавших голос подсудимого, а также на отсутствие объективных данных, свидетельствующих о монтаже, поскольку проведенная экспертиза не подтвердила подделку. В итоге аудиозапись признана допустимым доказательством, а версия о дипфейке – несостоятельным способом защиты [6].

Это подчеркивает важную роль экспертизы в таких ситуациях. Из-за растущего количества преступлений, совершенных с помощью ИИ, в частности, создание дипфейков повлекло за собой такую проблему, как нехватка специалистов в данной области. Дипфейк-технологии постоянно совершенствуются. Создавая все более убедительные подделки. Невооруженным глазом или без специальных знаний распознать их становится крайне сложно, а зачастую и невозможно для обычного человека. Для проведения судебной экспертизы требуются определенные знания и навыки, которыми должен обладать эксперт. На данный момент наблюдается нехватка высококвалифицированных специалистов, что влияет на нагрузку других экспертов в данной области, из-за чего возможно снижение качества проведенных экспертиз.

В юридическом контексте заключение эксперта имеет значительный вес. Оно должно быть обоснованным, методологически верным, так как в большинстве случаев решение суда зависит от результатов проведенной экспертизы.

Единственным возможным вариантом решения данной проблемы представляется, что по мере развития технологий создания дипфейков, эксперты должны постоянно обновлять свои знания и методы обнаружения ИИ технологий. Это динамичная область, требующая постоянного профессионального развития. Автоматизировать данный процесс, по нашему мнению, не представляется возможным, так как вся автоматизация для снижения нагрузки в большинстве случаев сегодня базируется именно на внедрении ИИ технологий в процессы, которые ранее выполнял человек. Поручить искусственному интеллекту выявлять в доказательствах,

представленных суду на рассмотрение, следы создания искусственного интеллекта является по меньшей степени нелогичным, поэтому этим должен заниматься только человек, имеющий необходимые знания в данной сфере.

Список использованной литературы:

1. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: в 2 т. Т. 1. – 2-е изд., пересмотр. И доп. – Санкт-Петербург: Государственная типография, 1902. – 815 с.

2. Чугунок А.Б. Понятие и значение орудий и средств совершения преступления в уголовном праве // Вопросы юридической техники в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве : сборник научных статей. – Ярославль: Издательство «Ярослав», 1997. – С. 98–104.

3. Бодров Н.Ф., Лебедева А.К. Понятие дипфейка в российском праве, классификация дипфейков и вопросы их правового регулирования // Юридические исследования. – 2023. – № 11. – С. 26–41.

4. В Ялте мошенники использовали дипфейк для кражи денег [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства Республики Крым. – URL: <https://yalta.rk.gov.ru/documents/cca0d1f1-03da-4718-9e2d-bf0a2fc5de61> (дата обращения: 30.04.2026).

5. Приговор Басманного районного суда г. Москвы от 15 марта 2024 г. по делу № 01-0005/2024 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/FXebm4E960Lt/> (дата обращения: 30.04.2026).

6. Приговор Самарского районного суда от 05 июня 2025 г. по делу № 1-1/2025 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/PJKk6ZnGGtG/> (дата обращения: 01.05.2026).